

Безрукавая М.В., Баскова Ю.С.
Кубанский социально-экономический институт
E-mail: sea_pearl@mail.ru

КОНСТАНТЫ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА Л. УЛИЦКОЙ

В данной статье авторы представляют идейно-художественный мир Л. Улицкой через его константные признаки – ключевые моменты авторской поэтики. Художественная вселенная писательницы имеет определенный центр, воспроизводимый в большинстве произведений. Исследование ведется на основе трех романов: «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер» и «Лестница Якова». В статье решаются такие проблемы, как поэтика заголовка, особенности сюжетно-композиционной модели, специфика авторского дискурса, исследуются художественные основы метода Л. Улицкой.

Рассматривая поэтику заглавия, авторы указывают на один из доминирующих признаков поэтики Л. Улицкой – обязательный историзм. Писательницу интересует прежде всего XX век как трагическая эпоха экзистенциального масштаба. Ключевая для Л. Улицкой сюжетно-композиционная модель может быть обозначена как «вся жизнь». Роман – исчерпывающее воссоздание жизненного пути к состоявшейся реальности, ставшей объектом анализа и формой своеобразного поучения. Женский нарратив является центральным в исследуемых произведениях, что позволяет говорить о гендерной разновидности «массового» романа. Гендерное в романах Л. Улицкой – форма защиты от сверхсистем, претендующих на сознание человека, на его свободу.

Проблема «цельной жизни» в романах автора, формируемая в рамках линейности/нелинейности повествования, литературное богословствование, соотнесение еврейской темы с проблемой всемирности могут быть рассмотрены как проявление одной общей тенденции, называемой «либеральным дискурсом». Он предстает не идеологической конструкцией, а самой формой текста, системой художественных приемов. Сочетание «либерального дискурса» с монолизмом является отнюдь не парадоксом, а основой принципа поэтики романов Л. Улицкой – «жизнь как школа». Также в работе осмыслиются многочисленные критические материалы, посвященные анализируемым романам Л. Улицкой.

Ключевые слова: константы, идейно-художественный мир, Улицкая, поэтика, историзм, женский нарратив, либеральный дискурс.

В современной русской прозе художественный мир, созданный Л. Улицкой, относится к самым узнаваемым и, пожалуй, самым востребованным. Об этом говорят и солидные тиражи, позволяющие оппонентам Л. Улицкой относить ее произведения к явлению «массовой литературы», и число откликов, среди которых отсутствуют равнодушные суждения. Учитывая господствующие хронотопы произведений Л. Улицкой, обязательную связь с историческим временем, активное использование автобиографических данных и реальных биографий, можно говорить о реалистическом потенциале ее метода. Действительно, на фоне экспериментов В. Пелевина или В. Сорокина, А. Проханова или М. Елизарова, мир Л. Улицкой близок к реализму. Но нельзя не заметить специальной фрагментарности ее текстов, авторского стремления решать мировоззренческие задачи, говорить с читателем на языке собственных философских представлений. Вышеуказанные черты носят продуманный характер, позволяя нам говорить о присутствии изучаемого художественного явления в рамках «большого модернизма», который про-

тивостоит и постмодернистскому релятивизму, и реалистической четкости художественных координат.

Здесь мы ставим перед собой задачу представить идейно-художественный мир Л. Улицкой (как имеющий значимые позиции в современном литературном процессе) через его константные признаки – ключевые моменты авторской поэтики. Однообразным художником избранного нами писателя назвать нельзя. Вместе с тем ее художественная вселенная имеет определенный центр, воспроизводимый в большинстве произведений. Мы остановимся на трех романах: «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер» и «Лестница Якова».

Аргументы, позволяющие нам остановиться на указанных произведениях известной писательницы, следующие:

1. Романы «Даниэль Штайн, переводчик» и «Зеленый шатер» в литературоведении и литературной критике стали значимыми объектами рецепции как мировоззренчески активные и дидактически объемные тексты; роман «Лестница Якова» – последний на данный момент роман Л. Улицкой.

2. Хронотоп избранных нами произведений располагает к оценке мира Л. Улицкой в его эпической полноте, когда основы идейно-художественного мира выявляются в масштабе изображенных событий.

3. Три романа, которые будут рассмотрены в статье, позволяют с особым вниманием отнестись к одной из самых значимых констант мира Л. Улицкой – к трансформации «женского романа» в текст, подлежащий рассмотрению в мировоззренческих контекстах.

Поэтика заголовка – первая в ряде решаемых нами проблем. «Другая важная для автора метафора вынесена в название. Смертельно больная Ольга видит сон: на огромном лугу стоит зеленый шатер, а к нему длинная толпа народа и бывший муж, жестоко ее предавший, обидевший, но все равно любимый, протягивает к ней руки. Ну, в общем, понятно: чертог Божий, и всеобщее равенство в смерти, и всеобщее примирение, и новый Эдем. Книга пророка Исаяи, имеющая продолжение в Новом Завете. «Волк будет жить вместе с ягненок», – расшифровывает символ, вынесенный в заглавие, А. Латынина [4]. «Впрочем, по-настоящему важно одно: в названии очень исторического романа оказался «Зеленый шатер» – благословенное место, где нет истории и нет времени», – пишет Т. Фролова [15]. «Зеленый шатер» – образ из сна центральной героини, символ примирения жизни и смерти, единства поколений, напоминающий русскую идею «соборности» и в достаточной степени архетипичный», – констатирует М. Савельева [11].

Мы специально столь подробно остановились на рецепции заголовка романа «Зеленый шатер», чтобы сразу стал ясен один из парадоксов мира Л. Улицкой. Разные критики согласны в одном: роман, посвященный истории советского поколения, рожденного в предвоенные годы, имеет очевидный выход в некую эсхатологическую вертикаль, с символом сверхисторического значения. Вряд ли стоит говорить о непосредственно христианском потенциале символа «Зеленый шатер». Корректнее вести речь о метафорическом преодолении истории – с ее болью, несправедливостью, обязательной конечностью.

Близкая ситуация и в последнем на данный момент романе Л. Улицкой – «Лестнице Якова».

Источник образа, определившего характер заглавия, имеет очевидные библейские истоки. По ветхозаветной лестнице Иакова вверх и вниз сходят ангелы, знаменуя связь мира, человека и Бога. Можно вспомнить и византийско-русский контекст, в котором особое значение имеет книга Иоанна Лествичника «Лествица» («Лестница»). Чтобы взойти в рай, человек должен посвятить жизнь борьбе со страстями. Преодолев страсти тела (например, «блуд») и уха (например, «гордыню»), душа окажется достойной спасения.

Вряд ли можно сказать, что «Лестница Якова» посвящена проблеме спасения. Главный герой – талантливый музыкант «серебряного века», востребованный строитель советской жизни, обыкновенный политзаключенный – формально движется не вверх, а вниз, теряя и одухотворенное состояние, и жену, и все семейные связи. Находит при этом лишь одиночество и раннюю смерть. Но формальный ракурс лишь повод к иному рода обобщениям, связанным с судьбой человека в XX веке. Следовательно, и в данном случае образ «лестницы», присутствующий в заголовке, предполагает определенного рода эсхатологизм, как бы встроенный в историческую и сугубо биографическую перспективу текста.

«Даниэль Штайн, переводчик» стал основой очень серьезной дискуссии, к которой мы не раз будем обращаться. Главный герой – еврей и католик, богослов и общественный деятель, всю жизнь посвятивший своеобразному богоискательству, если не сказать богостроительству. Образы «шатра» и «лестницы» имеют к нему прямое отношение. Но в заголовке сделан акцент еще на одном аспекте судьбы героя – на владении многими языками и способностью переводить. Эта черта героя помогла ему выжить во Второй Мировой войне, помочь не только себе, но и многим другим, обреченным на смерть. Впрочем, вынесение слова «переводчик» в заглавие указывает не столько на реальные обстоятельства жизни, сколько на символический «перевод» разных языков культуры, позволяющих представителям разных народов увидеть единого Христа, без утраты своей национальной идентичности.

Рассматривая поэтику заглавия, мы уже указали на один из доминирующих признаков

поэтики Л. Улицкой – обязательный историзм. Автор не скрывает, что ее интересует прежде всего **XX век как трагическая эпоха экзистенциального масштаба**, не позволившая человеку «отсидеться» в том или ином бытовом покое и заставляющая обязательно раскрыться, взять время на себя как своего рода крест, определяющий качество человечности. Ключевые события в рассматриваемых нами романах Л. Улицкой: русская революция, волны репрессий, Вторая мировая война, послевоенное строительство, оттепель, эпоха застоя.

Россия – ключевое пространство истории, место концентрации большинства историко-софских смыслов. В романе «Даниэль Штайн, переводчик» действие происходит в Израиле; главный герой – еврей, принявший католицизм и приехавший в Израиль поднимать то «иудео-христианство», которое представляется ему наиболее верной формой религии Иисуса. Но и в этом романе из России приезжают эпизодические герои, приходят письма, да и сам Штайн имеет определённый советский опыт. В «Зеленом шатре» – послевоенный Советский Союз. Одна из самых впечатляющих сцен – давка и многочисленные смерти во время похорон Сталина. Калейдоскоп героев, выстраиваемый Л. Улицкой в этом парадоксально фрагментарно-целостном романе, имеет непосредственное отношение к семейно-бытовым сюжетам, но это всегда «бытовизм» в историческом контексте, в аспекте меняющегося времени. Коллизии судеб практически всех героев связаны со многими явлениями большой эпохи: с идеологическим формализмом и цензурой, с вариациями национальной политики и даже определенными движениями «свободы» внутри государства, которое ни в одном из романов Л. Улицкой не получает одобрения как институт, призванный контролировать человека, устанавливать для него рамки. В романе «Лестница Якова» взят самый объемный исторический отрезок. Начало – дореволюционная история, образ жизни и культуры «серебряного века». Финал – постсоветский период; перед читателем – потомки тех, кто начинал свой путь до революции. Еще раз подчеркнем: историзм не означает стремления автора создать исторический или политический роман. Но доминирующий в поэтике Л. Улицкой хронотоп тесно связан с реалиями

прошлого столетия как самого требовательного по отношению к человеку времени.

Ключевая для Л. Улицкой сюжетно-композиционная модель может быть обозначена как «вся жизнь». Роман – исчерпывающее воссоздание жизненного пути как состоявшейся реальности, ставшей объектом анализа и формой своеобразного поучения. «Герои этой книги – мои ровесники. И учатся они в московской школе, похожей на ту, в которой училась я сама. И гуляют по тем же улицам. И дружат втроем – правда, это трое мальчишек. Но и девчоночье трио тоже появится в романе. И семьи этих ребят похожи на семьи моих одноклассников. И круг общения повзрослевших героев мне хорошо знаком, не говоря уже о том, что на периферии событий действует множество реальных персонажей», – пишет А. Латынина о проблеме узнаваемости героев и событий «Зеленого шатра» [4]. В романе «Даниэль Штайн, переводчик» на уровне внешней сюжетной формы царит хаос фрагментарности. Нет у автора никакого желания пошагово рассмотреть жизнь своего героя, построив образцовое жизнеописание. Но из фрагментов (подробнее о них речь пойдет ниже) складывается абсолютно цельный портрет, от детства до старости и смерти, от относительного еврейского национализма до безусловного христианства, хотя и без намека на твердую, церковную каноничность. «Роман «Даниэль Штайн, переводчик» – в своем роде роман-детектив: расследование рассказчиком дела «утраченного» фигуранта, с каковой целью и проводится сбор материалов о нем у очных или заочных его знакомых и родственников, а также его собственных показаний, данных им в прошлом, когда следы его еще не были утрачены», – считает Ю. Малецкий [6]. Это тоже форма репрезентации цельности.

Подобный прием использован и в романе «Лестница Якова». Цельность разных жизней (Якова и его жены, Норы и ее сына) появляется не из хронологически цельного повествования, а из постоянной смены эпох и мест действия. При этом никогда Л. Улицкая не оставляет своего героя на полпути, в ситуации открытости и незавершенности. Чаще всего герои, по-настоящему интересные писательнице, завершают романский путь смертью. Но если смерть и не наступает (как в случае с Норой в «Лестни-

це Якова»), у читателя не остается вопросов ни о константах ее судьбы, ни о ее принципиальной завершенности. Мы говорим не о «конце», а о «точке», в которой можно считать развитие состоявшимся.

«Семейное», «женское» имеют для характеристики поэтики Л. Улицкой важное значение. Отчасти именно с этими векторами развития романов связаны избыточный объем, отсутствие лаконизма и очевидное торможение действия. Возможно, это следствие сближения автора с героями, особого возрастания комплиментарности, исходящей от Л. Улицкой по отношению к «близким» персонажам. «Она избрала нечто среднее между документальной и художественной формой повествования и написала эту вещь в редком жанре псевдодокументов – писем, дневников, воспоминаний, записей разговоров, газетных и архивных материалов... В книге не менее полусотни второстепенных персонажей – от респектабельного ученого до фанатички-коммунистки, от солидного фермера до психически неуравновешенного подростка, – и все они, теснясь и перебивая друг друга, рассказывают свои истории. Больше всего, конечно, женских историй, в которых Улицкая, как рыба в воде, – замужества, измены, разводы, неудачные дети, бездетность, отношения дочери с матерью, метания матери между дочерью и сыном, что делать, если сын вырос и стал гомосексуалистом и т. д. и т. п.», – пишет С. Шишкова-Шипунова [17]. «Если вы хотя бы отчасти понимаете, о чем я, то имейте в виду: новый – без всяких преувеличений долгожданный – роман Людмилы Улицкой «Лестница Якова» вновь заставит вас пережить эту гамму неоднозначных чувств. Снова кухня, снова подруга, снова бесконечный и плавный женский нарратив о пережитом, о травмах поколений, о том, как прошлое пробирается в будущее, используя живых теплых людей в качестве своих бездумных и беззащитных носителей. И все одновременно и хорошо, и правильно, и оторваться трудно, но как-то очень уж понятно, ожидаемо и предсказуемо», – несколько разочарованно констатирует Г. Юзефович [5].

Из вышесказанного напрашивается вывод: женский нарратив – центральный. В этом случае надо говорить не о «модернизме». Более уместной будет слово о гендерной разновид-

ности «массового» романа. Но, на наш взгляд, для такой оценки нет оснований. Гендерный аспект – часть поэтики, но им специфика романов Л. Улицкой не ограничивается. В этом контексте особенно интересны суждения очевидных противников искусства Л. Улицкой. Вот, например, суждение С. Казначеева о романе «Лестница Якова»: «Романа? Романа ли? – вот вопрос. Ведь этот ответственный жанр имеет свои незыблемые каноны. Например, наличие нескольких самостоятельных сюжетных линий, как в случае с Анной Карениной, Вронским, Стивой Облонским, Долли и проч. Здесь этим, как говорится, и не пахнет. Основное повествование крутится вокруг Норы и её семейных дел, изредка прерываемых старыми записками её предка. Всё это имеет отношение не к роману, а к семейной хронике, как её написал, скажем, Сергей Тимофеевич Аксаков. При чём здесь роман? Да ни при чём! Мы имеем дело с нудным семейным повествованием, где всё тонет в малоинтересных подробностях быта» [2].

Дело, как нам кажется, в следующем. С. Казначеев (он представляет принципиально иной фланг современного литературного процесса) хорошо понимает, что Л. Улицкая написала роман. Но, как и другие тексты рассматриваемого автора, «Лестница Якова» использует «семейный дискурс» для определенных идеологических движений. Это не просто история советской женщины (Норы) или ее предков. Это утверждение личного начала как устойчивого феномена, с помощью которого отрицаются такие «эпические» (например, для С. Казначеева) категории, как история, государство, духовная система, официальная религия и т. д. Гендерное в романах Л. Улицкой – форма защиты от сверхсистем, претендующих на сознание человека, на его свободу. Когда писательница детально выстраивает историю самостоятельной Норы, она не просто показывает частную судьбу, но и предлагает значимую «идеологему» приоритета частного над общим, личного над государственным.

Каким бы ни был объемным «женский» компонент, не менее интересна и другая тема: интеллект как связующее начало, как феномен безусловно состоявшейся человечности. В «Лестнице Якова» есть не только «семейное», есть и принципиально иное. Вот, например,

речи Гриши – талантливому и полуюродивого ученого: «Это же очевидно, что первичный текст дан Творцом и то, чем все мы заняты, – расшифровка этого первоначального текста!... Наш мир создан Богом по единому плану! Первые страницы Торы дают современное научное описание происхождения Вселенной, Земли, растений, животных и человека. Творец продиктовал не только Тору. Вся жизнь универсума, нашей планеты есть разворачивание грандиозного текста! А мы лишь пытаемся его расшифровать и прочесть. И единственное назначение человека – именно в прочтении этого послания!... Еврей – модель человека. Как любая модель, с упрощением. Все люди, в каком-то смысле, должны стать евреями...» [14, с. 319, 457, 664].

Приведенные цитаты можно назвать частым для Л. Улицкой явлением литературного богословствования. В этом плане особая роль у романа «Даниэль Штайн, переводчик». Пишет Л. Горелик: «Принести в литературу нечто новое – большая редкость, неимоверная авторская удача. Новое, что принесла в литературу Улицкая, – богословский роман, именно так, хоть имя, конечно, дико. Богословский роман – большая смелость. Призраки тринитарного и литургического богословия, экклезиологии, сотериологии, мариологии, христологии наполняют книгу. Всем нашлось место. Я говорю: призраки, – поскольку в романе нет (с некоторыми оговорками) ни богословской дискуссии, ни богословской рефлексии, но есть выводы, эту рефлексию, безусловно, предполагающие. И есть многочисленные пронизывающие роман обращения к этой теме. Бывали романы филологические, бывали философские – теперь есть и богословский» [1].

Да, богословский дискурс важен для создания идейно-художественной цельности в романе о Даниэле Штайне, но имеет серьезное значение и другой креативный шаг. Имплицитное, а здесь еще и эксплицитное, сюжетообразующее рассмотрение идеологий, и вероучений, мировоззренческих комплексов позволяет автору в ходе становления текста прояснять ключевые понятия романа: «фашист», «коммунист», «иудей», «атеист», «православный», «католик-еврей», «православный еврей», «араб-христианин» и др. В этом контексте богословские задачи (например, достаточно многословное рассмотрение

проблем ортодоксального и новаторского христианства) служат решению общекультурных задач. Главный герой – не богослов-теоретик, а практик жизни, в реальности (а не скрупулезной текстологии) ищущий ответы на экзистенциальные вопросы.

Ясно, что любой дискурс в художественном произведении оказывается в пространстве литературности, приходит к читателю в тщательно продуманной эстетической форме. Но у Л. Улицкой литературоцентризм – не только естественная форма художественной подачи материала, но и специально выделенная проблема. Особенно очевидна она в романе «Зеленый шатер». Вот ряд высказываний учителя Виктора Юльевича Шенгели, чье слово ценится автором романа очень высоко: «Литература – лучшее, что есть у человечества... Что говорит великий писатель, то и становится исторической правдой... Литература – единственное, что помогает человеку выживать, примиряться со временем... Каждая строка нового романа («Доктора Живаго» – М.Б.) была о том же – о мытарствах человеческой души в пределах здешнего мира, о возрастании человека, о гибели физической и победе нравственной, словом, «о творчестве и чудотворстве» жизни [13, с. 40, 43, 76, 99–100]. Три четверти класса, руководимого Шенгели, собирались поступать на филфак. В романах «Даниэль Штайн, переводчик» и «Лестница Якова» обсуждение тех или иных явлений литературы занимает видное место, служит формой раскрытия персонажей, прояснения их позиций. Например, в последнем романе Л. Улицкой можно выделить обсуждение Норой и Тенгизом трагедии Шекспира «Король Лир».

Мы уже говорили о проблеме «цельной жизни» в романах Л. Улицкой. В романе «Даниэль Штайн, переводчик» воссоздано светское житие, жизнеописание праведника, который знал и падение, и взлеты, свободно выбирал путь, бесстрашно искал Бога, не утверждая догмат, а проверяя любую форму догматического богословия опытом, который призван сочетать антропоцентрическую религиозность и идеологические основы либерализма. Крайности иудейской (израильской) и православной религиозности оказываются за пределами интеллектуально-духовного круга, представляющего ценность для Улицкой. Элементы такой

«житийности» часто встречаем в «Зеленом шатре», где нет одного главного героя, но есть разнообразие персонажей в уже указанном формате «вся жизнь». Образы родителей Норы – явление того же приема в романе «Лестница Якова».

Цельность эта формируется в рамках весьма актуальной проблемы линейности/нелинейности. Приведем примеры рецепции данной проблемы. «Безошибочный конструктивно-стилистический авторский ход: при предельной, ставшей уже непривычной простоте изложения – сложная сборная композиция, стягивающая в единое целое разные пространственно-временные точки-голоса», – пишет Г. Ребель [9]. «Очень подробно останавливаясь на формировании характеров главных героев, Улицкая дальше от подробного повествования отказывается, переходя к вставным эпизодам с новыми действующими лицами, которые имеют лишь косвенное отношение (и то не всегда) к главным героям. И если четверть романа читается и воспринимается с интересом, то дальше очень сложно следить за всеми его перипетиями. Критики охарактеризовали такую композицию красивым словом «дискретная». Читатели были проще. В большинстве отзывов отмечено, что это не роман, а сборник рассказов», – считает А. Куник [3]. И снова позиция Г. Ребель, из другой статьи: «Эпический размах книги Улицкой обеспечен множественностью точек зрения-голосов, данных через письма, исповеди, документы и стекающихся в единое пространство повествования из разных времен и разных географических точек» [10].

Это примеры рецепции двух романов «Штайна» и «Зеленого шатра». На этих же константах построена «Лестница Якова». В сюжетно-композиционной организации романов большое значение имеет письменный текст. Так, в романе «Даниэль Штайн, переводчик» активно задействован эпистолярный жанр, есть и заявления, записанные на магнитофон диалоги, дневники, запись бесед, доносы, рапорт, конспект лекции, рецензии, интервью. В разнообразии использованных «вторичных» форм создания образа может появиться мысль о том, что в романе и вовсе нет «внутреннего человека». Он уступил место «человеку эпистолярному». Письмо при этом является как относительность, как рационализированная реальность.

Стоит упомянуть и о том, что Л. Улицкая в каждом из романов соотносит близкую ей еврейскую тему с проблемой всемирности. В романе о Даниэле Штайне это соотношение образует идейно-художественный центр повествования: «Каждый народ имеет, по-видимому, свой собственный, национальный путь ко Христу, и, таким образом, в народном сознании возникает Христос-итальянец, Христос-поляк, Христос-грек, Христос-русский. Мне же надлежит искать на этой земле, в среде народа, которому я принадлежу, Христа-иудея. Излишне говорить, что Тот, во имя которого апостол Павел объявил незначимыми земную национальность, социальные различия и даже пол, был в исторической реальности именно иудеем» [12, с. 115]. Судя по всему, автор солидарен со своим героем Штайном, который часто рассуждает о том, что ученики Иисуса не знали слово «христианство», что Иисус был настоящим иудеем, призывавшим к расширению любви.

Все вышеуказанные особенности могут быть рассмотрены как проявление одной общей тенденции, которую можно назвать «либеральным дискурсом». «Новым по форме и для творчества Л. Улицкой, и для отечественной прозы последних лет стал «Даниэль Штайн, переводчик», который представлял собой наслаивающиеся друг на друга элементы художественного повествования и non-fiction. Фрагментарность отчасти свойственна и «Зеленому шатру». Его композиция дискретна, текст состоит из, казалось бы, разрозненных анекдотов («Свадьба Короля Артура», «Маловатенькие сапоги»), лирических историй («Отставная любовь», «Бедный кролик», «Дом с рыцарем») и трагикомических эпизодов («Последний бал», «Дружба народов», «Кофейное пятно»), каждый из которых, претендуя на статус самостоятельного произведения, становится определенным витком судьбы главных героев. Но вряд ли это свидетельство пристрастия писательницы к эксперименту с художественной формой. Скорее, очередная попытка максимально полной реализации авторского замысла: выстраивая роман по принципу калейдоскопа, чередуя и смещая временные пласты, Улицкая поворачивает героев различными гранями, всякий раз сталкивая их с новыми аспектами бытия, новыми людьми и жестокостью власти», – пишет О. Осьмухина

[8]. Мы специально привели столь объемную цитату, чтобы показать, как в рецепции критика «либеральный дискурс» предстает не идеологической конструкцией, а самой формой текста, системой художественных приемов.

Либерализм Л. Улицкой и в интересе к личности, совершающей исход из государства, и в стремлении показать историю XX столетия как «эпохи тоталитаризма», и в очевидном неприятии ортодоксальных форм религиозности, и в особом внимании к эмансипации, к возможностям женщины построить независимую судьбу. «Либеральный дискурс» – в отвержении политики, в критике явления, которое представляется Л. Улицкой русским национализмом, в активном присутствии концепции «творчества» как концепции, противостоящей идеологическим формам существования.

В этой связи можно было бы предположить, что одна из основ метода Л. Улицкой – диалогизм. Симптоматично, что критики с этим не согласны. «Специфика же успеха вовсе не в том, что книга неплохо написана. Да, читать и правда легко; с чисто профессиональной точки зрения все сколочено умело, заполировано под «нон-фикшн» да еще соединено с древним жанром агиографического повествования. Настораживает разве что язык: почти все: и араб, и немка, и прочие – говорят и пишут на каком-то едином эсперанто – на «общелитературном» русском языке хорошего школьного сочинения. Отсутствие речевой дифференциации дает ощущение некоторой монотонности, что и обеспечивает «беззанимательное» чтение», – указывает Ю. Малецкий на «монологическую» органи-

зацию романа «Даниэль Штайн, переводчик» [7]. «И сразу стало очевидным, что роману Улицкой просто не хватает героя-антагониста, героя, который бы прямо там, на страницах книги, спорил с Даниэлем Штайном, отстаивая именно каноническую точку зрения (как это делает Малецкий)», – рассуждает С. Шишкова-Шипунова о другой стороне авторского «монологизма» [16].

Сочетание «либерального дискурса» с монологизмом может показаться парадоксом, но таковым оно не является. Дело в том, что в рамках «разнообразия» и «свободы» Л. Улицкая проявляет основательность как безусловный субъект нравственной идеи. «Жизнь как школа» – последний констант поэтики ее романов, который может быть использован как синтезирующий знак, соединяющий воедино такие разные компоненты структуры, как «семейный сюжет» и «богословский роман».

Итак, константы идейно-художественного мира Л. Улицкой, позволяющие говорить о продуманном единстве ее литературного высказывания, следующие: 1) заголовок как метафорическое преодоление конкретного историзма; 2) исторические основы магистрального сюжета, определяющие интерес к целостно изображенной эпохе; 3) «вся жизнь» как сюжетно-композиционная модель романов; 4) полифоническая фрагментарность повествования, способствующая феномену «правды» и «документальности»; 5) акцентированное внимание к «женскому дискурсу» с трансформацией его в дискурс идеологический; 6) обязательное присутствие интеллектуальных констант.

3.06.2016

Список литературы:

1. Горелик, М. Прощание с ортодоксией [Электронный ресурс] / М. Горелик // Новый Мир. – 2007. – №5. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/5/go14.html.
2. Казначеев, С. Казус Улицкой или Гинекологическое древо [Электронный ресурс] / С. Казначеев // Литературная газета. – 2015. – №51–52. – Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/-51-52-6537-24-12-2015/kazus-ulitskoy-ili-ginekologicheskoe-drevo/>.
3. Куник, А. Дети Улицкой. «Зеленый шатер» [Электронный ресурс] / А. Куник // Новый Берег. – 2013. – №40. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/bereg/2013/40/18ku.html>.
4. Латынина, А. «Всех советская власть убила...». «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой [Электронный ресурс] / А. Латынина // Новый Мир. – 2011. – №6. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/6/la11.html.
5. «Лестница Якова» и кровавый Техас: Две семейные саги. Обзор Галины Юзефович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2015/10/23/lestnitsa-yakova-i-krovavyy-tehas>.
6. Малецкий, Ю. Роман Улицкой как зеркало русской интеллигенции [Электронный ресурс] / Ю. Малецкий // Новый Мир. – 2007. – №5. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/5/ma15.html.
7. Малецкий, Ю. Случай Штайна: любительский опыт богословского расследования. Роман о романе [Электронный ресурс] / Ю. Малецкий // Континент. – 2007. – №133. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/133/ma2.html>.
8. Осьмухина, О. Скромное обаяние эпохи. «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой [Электронный ресурс] / О. Осьмухина // Вопросы литературы. – 2012. – №3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/3/o5.html>.
9. Ребель, Г. Людмила Улицкая: еврейский вопрос? [Электронный ресурс] / Г. Ребель // Дружба Народов. – 2007. – №7. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/7/re14.html>.
10. Ребель, Г. Черты романа XXI века в произведениях А. Иванова и Л. Улицкой / Г. Ребель // Нева. – 2008. – №4.

11. Савельева, М. Маленькие человечки (Людмила Улицкая. Зеленый шатер) [Электронный ресурс] / М. Савельева // Октябрь, 2011. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2011/5/sa22.html>.
12. Улицкая, Л. Даниэль Штайн, переводчик / Л. Улицкая. – М., 2015.
13. Улицкая, Л. Зеленый шатер / Л. Улицкая. – М., 2011.
14. Улицкая, Л. Лестница Якова / Л. Улицкая. – М., 2015.
15. Фролова, Т. Шатер с табличкой «Выход» [Электронный ресурс] / Т. Фролова // Нева. – 2011. – №8. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/8/fr17.html>.
16. Шишкова-Шипунова, С. Возвращение «батюшек» [Электронный ресурс] / С. Шишкова-Шипунова // Знамя. – 2008. – №2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/2/sh12.html>.
17. Шишкова-Шипунова, С. Код Даниэля Штайна, или Добрый человек из Хайфы [Электронный ресурс] / С. Шишкова-Шипунова // Знамя. – 2007. – №9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/9/sh13.html>.

Сведения об авторах:

Безрукавая Марина Васильевна, доцент кафедры иностранных языков
Кубанского социально-экономического института, кандидат филологических наук, доцент
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, д. 3, тел. (861) 2345015, e-mail: sea_pearl@mail.ru

Баскова Юлия Сергеевна, доцент кафедры иностранных языков
Кубанского социально-экономического института, кандидат филологических наук, доцент
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, д. 3, тел. (861) 2345015, e-mail: lecca@mail.ru